

УДК 811.161.1'42

Г. А. Милаш (Мозырь, Беларусь)

ИОСИФ БРОДСКИЙ: ЯЗЫК – ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО

В статье предпринята попытка культурологического анализа философско-эстетической триады И. Бродского «язык – время – пространство».

Имя русского поэта, Нобелевского лауреата по литературе (1987) Иосифа Александровича Бродского (1940-1996) стало известным и почитаемым широкой аудиторией постсоветского пространства довольно недавно. Однако с уверенностью можно сказать, что оно заняло достойное место в плеяде русской поэтической классики XX века среди таких имен, как М. Цветаева, О. Мандельштам, А. Ахматова и др.

Веру Бродского в поэтическое слово необходимо рассматривать в контексте его взглядов на время и про-

странство. Время и пространство – центральная дихотомия в философско-эстетической системе И. Бродского. Его всегда интересовало время и тот эффект, который оно оказывает на человека. Сам Бродский говорил: «Все мои стихи более или менее об одной и той же вещи – о Времени, о том, что Время делает с человеком» [3, 79]. Время – враг человека и всего, что человеком создано и ему дорого. Оно вплетается в человека, который стареет, умирает и превращается в «пыль» – «плоть времени».

Разница между временем и пространством выражается у Бродского противопоставлением «идеи» и «вещи»:

Время больше пространства. Пространство – вещь.

Время же, в сущности, мысль о вещи.

Жизнь – форма времени...

(«Колыбельная Трескового мыса»)

Против всепоглощающего Времени, ведущего к исчезновению и мира и человека, Бродский ставит Слово. Один из сборников И. Бродского носит название «Часть речи». Название глубоко символично: человек, в особенности поэт, является частью языка, который старше его и который продолжает существовать после того, как время справится с его слугой. Победа поэтического слова над временем и смертью прослеживается во многих стихах:

Мне нечего сказать ни греку, ни варягу.

Зане не знаю я, в какую землю лягу.

Скрити, скрити, перо! Переводи бумагу.

(«Пятая годовщина»)

... Я верю в пустоту.

В ней как в Аду, но более херово.

И новый Дант склоняется к листу

и на пустое место ставит слово.

(«Похороны Бобо»)

В лекции, прочитанной И. А. Бродским при вручении Нобелевской премии, отмечалось, что искусство если чему-то и учит, то, в первую очередь, учит частности человеческого существования. Произведение искусства, литература в особенности и стихотворение в частности, обращается к человеку «тет-а-тет». И язык при этом является не только средством, каналом передачи информации, но и самой сущностью, материализацией мира, образа, вещи, идеи, говоря языком И. Бродского, Времени и Пространства.

Язык и литература, по мнению И. Бродского, наиболее древние вещи в сравнении с любыми другими формами общественной жизни. Язык и литература – всегда «сегодня» и даже «завтра» в сравнении с философией, этикой и даже эстетикой государства, которые всегда «вчера». Литература, и поэзия в частности, «помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе... и избежать тавтологии» [2, 47]. Этим искусство и отличается от жизни, что оно всегда избегает повторения. В искусстве повторение невозможно, иначе это называется «клише».

Важное место в философско-эстетической концепции И. Бродского занимает его постулат «эстетика – мать этики». Язык – универсальный, живой феномен. Поэтому всякая новая эстетическая реальность, по мнению Бродского, уточняет для человека реальность этическую. Эстетический выбор всегда индивидуален и эстетическое переживание – всегда переживание частное. Эта частность, с точки зрения Бродского, обретает форму литературного или какого-либо иного вкуса. Человек с эстетическим вкусом, в частности литературным, легче и увереннее ориентируется в социально-политическом пространстве, менее восприимчив к общественным доктринам и лозунгам, по крайней мере, более автономен в принятии решения: «Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее – хотя, возможно, и не счастливее» [2, 48]. Поэтому, скорее в прикладном, чем в иррациональном смысле, Бродский призывает понимать фразу Ф. М. Достоевского, что «красота спасет мир» или высказывание

Мэтью Арнольда, что «нас спасет поэзия». И. Бродский менее оптимистичен в данном вопросе: «Мир, вероятно, спасти не удастся, – пишет поэт, – но отдельного человека – всегда можно» [2, 48].

Таким образом, эстетическое чувство, по Бродскому, коренится в человеке на генетическом уровне. Человек изначально воспринимает мир на эстетическом уровне, инстинктивно знает, что ему нравится, а что не устраивает: «В антропологическом смысле... человек является существом эстетическим прежде, чем этическим» [2, 48]. Данный тезис И. Бродский аргументирует следующим примером: несмышленный младенец, с плачем отвергающий незнакомца или, наоборот, к нему тянущийся, инстинктивно совершая выбор эстетический, а не нравственный. Если считать, что речь – то, что отличает человека от животного, то литература и, в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет «видовую цель» человеческого рода.

В Нобелевской лекции Бродский отмечал: «Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования. Язык же – даже если представить его как некое одушевленное существо (что было бы только справедливым) – к этическому выбору не способен» [2, 53].

По каким бы причинам человек не брался за сочинение стихотворения, результатом этой деятельности, последствием этого процесса является «ощущение вступления в прямой контакт с языком, точнее – ощущение немедленного впадения в зависимость от оно-го...» [2, 53]. Процесс стихосложения, по мнению Бродского, является мощным ускорителем сознания, мышления и мироощущения в целом. Поэт никогда не знает, чем и как может закончиться стихотворение. Иногда получается лучше, чем предполагалось, мысль заходит дальше, чем рассчитывал поэт. Это тот самый момент, когда будущее языка вмещается в его настоящее. Испытав такое ускорение единожды, человек впадает в зависимость от процесса стихосложения, подобно зависимости от наркотиков или алкоголя. И. Бродский заканчивает свою лекцию фразой, которая, по сути, сегодня приобрела уже значение афоризма: «Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом» [1, 54].

Для Бродского язык дан свыше, спущен сверху, а не взращен снизу. А. Кушнер в интервью В. Полухиной отмечал, что Бродский внес много нового в поэтический язык, придал ему изощренность, экспрессивность, энергию. Сложные синтаксические конструкции поэта он называет «виртуозными» и даже «умопомрачительными».

Близкий друг И. Бродского Владимир Уфлянд подчеркивал абсолютную зависимость поэта от русского языка. Он считал, что его стихи могут быть написаны только по-русски. Кроме того, Бродский дал сильный толчок процессу конвергенции русской и английской поэзии. Это значительный и очевидный его вклад в русскую поэзию. Заслуга Бродского еще и в том, что он внес огромный вклад в дело возрождения русского языка за счет использования самых разных его пластов, вводя в свои стихи архаизмы, вульгаризмы, иностранные слова и т. п. Вершина языка создается крупнейшими писателями и поэтами. И язык Бродского, как крупнейшего представителя русской поэзии второй половины XX века, является тем самым «великим и могучим» в высшем своем проявлении. В послесловии к книге Ю. Кублановского

«С последним солнцем» (Paris Presse Libre, 1983) Бродский пишет: «У поэта есть только один долг перед обществом: писать хорошо. Собственно, это долг не столько перед обществом, сколько по отношению к языку. Поэт, долг этот выполняющий, языком никогда оставлен не будет» [2, 178].

С точки зрения М. Мейлаха, И. Бродский создал новую форму русского поэтического языка, обострив до невероятности определенные языковые структуры, которые до него существовали в невыраженном виде или вообще не применялись. Он отмечал, что русский язык советского периода невероятно далеко ушел от литературного языка и все еще находится в состоянии все большего размывания. Это ощущается в фонетике, в синтаксисе и т. д. Язык превращается в кашу, поэтому структурирование языка – очень насущная задача. И в этом смысле поэзия в целом, и поэзия Бродского в частности, спасает язык.

Отношение Бродского к отечеству выражается прежде всего в его отношении к русскому языку. Он считает, что единственной формой патриотизма для поэта является его степень зависимости от языка, на котором он пишет: «Самое святое, что у нас есть, – это, может быть, не наши иконы и даже не наша история, – это наш язык» [2, 222]. Может быть, это высказывание слишком категорично, но данная категоричность лишь подчеркивает патриотическое чувство Бродского к «равнодушной отчизне» и его безмерную любовь к русскому языку.

В эстетической иерархии И. Бродского поэзия стоит выше прозы. В его триаде «язык – время – пространство», время больше, чем пространство, а язык больше, чем время. Писать – это, по существу, попытаться настигнуть или удержать «утраченное или текущее Время». Для этого у поэта есть специальные средства, которых у прозаика нет: размер стиха, везуры, синтаксические паузы, безударные слоги, созвучные окончания. Рифма также есть способ реорганизовать и удержать время: она отсылает назад, но и создает ожидание, то есть будущее. Когда Бродский подчеркивает значение формы, он это делает, будучи уверенным в ее двойной функции – структурирующего элемента и носителя культуры. Он хотел писать так, чтобы быть понятым своими предшественниками.

Таким образом, утверждение абсолютной ценности формы является не выражением формализма, а фундаментом того, что можно назвать поэтикой Бродского.

Чтобы легче двигаться вместе со временем, стихотворение должно попытаться подражать его монотонности. В пьесе «Мрамор» Туллий словами Бродского говорит, что «все, что тона не повышает... Это и есть искусство... Чем монотонней, тем больше на правду похоже» [3, 92]. К такой просодической монотонности

Бродский с годами стал стремиться все более и более. Он стремился к нейтральности тона, и изменение размера его стихов свидетельствует об этом. Манера чтения стихов у Бродского очень индивидуальная. Свой голос Бродский описывает как глухой, почти неслышимый:

*Я говорю с тобой, и не моя вина,
если не слышно. Сумма дней, намозолив
человеку глаза, так же влияет на
связки. Мой голос глух, но, думаю, не назойлив.*
(«Послесловие»)

Приглушенный голос поэта практически стирает границы между звуком и тишиной. Ближе к ритму Времени трудно подойти. Как и у Туллия, идеал – как можно больше уподобить себя Времени. Поэт может манипулировать Временем с помощью размера и ритма. Интонационной нейтральности, к которой стремился Бродский, лучше всего соответствует акцентный стих или амфибрахий. Последний привлекает Бродского тем, что в нем присутствует монотонность, сняты акценты и патетика. Это абсолютно нейтральный размер.

Таким образом, поэт может создавать новое время, которое подобно самому Времени. Однако слияние со временем – не только эстетическая цель, не только способ выживания для стиха, оно имеет для Бродского более глубокое экзистенциальное значение. Так как настоящее (жизнь) является коротким отрезком времени между прошлым и будущим, то лучше уже сейчас привыкнуть к тому, что будет. Бродский любил цитировать греческого эпиграмматика Лаэрта Тарентского: «Пытайся имитировать время, но не горюй, если тебе не удастся, ибо, когда умрешь, будешь им» [3, 94].

В элегии, написанной У. Х. Оденом на смерть Йейтса, Бродский нашел мысль о том, что время «боготворит язык». Это произвело на него неизгладимое впечатление: язык выше не только общества, но и поэта и самого Времени. Взгляд И. Бродского на язык как на некую вневременную, внепространственную, чуть ли не метафизическую величину вызывал сильные возражения его оппонентов. Однако следует иметь в виду, что Бродский находил подтверждение собственным размышлениям о жизни и поэзии у У. Х. Одена. Утверждение Одена о примате поэзии над временем для человека, осужденного на ссылку за то, что он пишет стихи, стало мощным оружием. А для человека, воспринимающего человеческую драму прежде всего как экзистенциальную, а не социальную, отношение Одена к действительности представлялось единственно правильным. Защищая Одена, Бродский защищал самого себя. Он, как справедливо отмечал его друг, шведский писатель Бенгт Янгфельдт, и был русским Оденом, боготворившим язык.

Литература

1. Бродский, И. А. Сочинения Иосифа Бродского. Том VI / И. А. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – 456 с.
2. Полухина, В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга первая (1987-1992). Издание второе / В. Полухина. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2006. – 384 с.
3. Янгфельдт, Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском / Б. Янгфельдт. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 368 с.